

Н. Ивашина

ОБ ОДНОЙ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Возраст является одним из ключевых концептов. Возрастная характеристика как одна из наиболее важных характеристик человека возникла в результате переплетения различных представлений. В современном сознании понятие возраста включает самые разные признаки: темпоральные, биологические, гендерные, социальные, параметрические, эстетические и т. п. Однако основывается категория возраста, прежде всего, на взаимодействии двух составляющих – биологической и временной.

Понятие возраста связано с развитием человека (и других живых организмов) во времени, т. е. с понятием жизненного цикла, состоящего из определенных периодов. Возраст осознается носителями языка как шкала, включающая последовательность нескольких основных периодов: детство, молодость, зрелость, старость. При этом представления о границах этих периодов остаются в значительной степени размытыми. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров реконструируют в праславянском языке четыре лексемы для обозначения основных этапов человеческой жизни: **orb-*, **jun-*, **mčž-*, **star-*, что отражает четыре периода развития мужской жизненной силы [Иванов, Топоров 1984].

Выделение возрастных групп имеет биологические основания. Во всех языках биологический возраст на разных этапах жизненного пути человека обозначается специальными лексемами (*ребенок, подросток, юноша, мужчина, старик* и т. п.). Возраст представляет собой сложное по структуре поле, в котором взаимодействуют различные составляющие. Лексико-семантическое поле 'возраст' имеет иерархическую структуру. Между единицами этого поля существуют различные отношения: гиперо-гипонимические (*возраст – юность*), синонимические (*юность – молодость*), антонимические (*молодость – старость*) и т. п. Большую

роль играют бинарные оппозиции (*ребенок – взрослый, молодой – старый, бабушка – дедушка* и т. п.). Древнейшей является оппозиция *молодой – старый* как отражение восходящей и нисходящей линий жизненного цикла, начала и конца.

Возраст является важной темпоральной характеристикой. Возраст, как и любой отрезок времени, уподобляется пространству, а потому может описываться в категориях пространства. Ключевым понятием метафоры времени является движение. Сегодня мы говорим о времени как о пути, который имеет свое *начало, середину и конец*. *Время приближается, отдаляется*. Мы говорим, что *время идет, бежит, летит, течет, мчится, бег времени* и т. д. Это основная метафора, связанная со временем. Аналогично общему представлению о времени и определенный возраст может *наступать, подходить, приближаться, приходить*, отмечая начало, а также *уходить, проходить, пролетать, проноситься*, указывая на окончание. В этом отношении нет никаких отличий между возрастными этапами и другими отрезками времени (днями, неделями, месяцами и т. д.). Возраст понимается как жизненный цикл, имеющий начало, середину и конец. Современные представления связывают время, прежде всего, с горизонтальным движением, однако в славянских языках сохранились примеры вертикальной ориентации времени. На вертикальной ориентации заложены словосочетания рус. *глубокая древность*, болг. *дълбока древност*, чеш. *hluboká pos, nejvyšší čas, být/stát na vyši doby*, др.-русск. *нижнимъ вѣременѣмъ* и т. п. Все это выражения подразумевают вертикальную ось времени, где временные ориентиры уподобляются пространственным. Возраст также связывается с вертикальной ориентацией, ср. рус. *глубокая старость*, болг. *дълбока старост*, чеш. *vyšoký věk*, словац. *vyšoká staroba*, ст.-слав. *гълбокъжѣ старостижѣ*, ср. выражения *на склоне лет, с высоты своих лет, закат жизни, в зените жизни*, а также бел. *падлетак*, рус. *подросток*, в которых приставка акцентирует нижнее положение номинации. Возраст представляет собой жизненный цикл и в этом смысле сближается с природными циклами – суточным и годовым, ср. метафоры, в которых периоды жизни и части

суток и времен года находятся в изоморфной позиции: *день клонится к вечеру / лето клонится к осени / жизнь клонится к закату, день(солнце) в зените / в зените жизни*, чеш. *vrchol léta / být na vrcholu sil*, ср. также др.-руссск. кыиждо възрастъ оуподобиша четьремъ лѣтнимъ измѣнамъ: весноу къ дѣтствуу и къ жатвѣ оучность, а ко осени моужество, а къ зимѣ старостьство [Срезневский III: 498].

Для славянской языковой традиции характерна также онтологическая возрастная метафора, в основе которой лежит идея роста, развития и созревания. Человеческий возраст описывается с помощью растительного кода, ср. рус. "у меня *растут года...*", *период созревания, в расцвете жизненных сил, расцвела или отцвела (о женщине), зрелый человек*, польск. *w sile wieku* 'зрелый', *w kwiecie wieku* 'молодой', словац. *v plnom rozkvetu* и т. п. Человеческий возраст уподобляется плоду, ростку, цветку на разных этапах созревания и роста.

В славянском языковом пространстве абстрактное понятие 'возраст' вербализовано несколькими лексемами: рус. *возраст*, диал. *пора, век, доба*, бел. *узрост*, диал. *век*, укр. *вік*, диал. *пора*, болг. *възраст, пора*, макед. *возраст, доба*, диал. *пора*, серб. *узрас, старост, доба, доб*, хорв. *uzrast, starost, dob*, словен. *starost, doba* польск. *wiek*, в.-луж. *wěk, staroba*, н.-луж. *starstwo, staroba*, полаб. *storā*, чеш. *věk, stáří*, словац. *vek*.

Древнейшим славянским обозначением жизненного цикла является лексема *věкъ. Семантическое микрополе слова *věкъ во всем славянском ареале, начиная с первых фиксаций в памятниках, включает значения 'сила' — 'жизнь' — 'смерть' — 'возраст' — 'старость' — 'вечность' — 'мир, свет' — 'промежуток времени' — 'тысячелетие' — 'столетие'. Наиболее древними оказываются семантические центры 'сила' и 'жизнь'. В архаическом сознании жизнь воспринимается как явление силы. Значение 'сила' сохранилось в словенских диалектах. Кроме того, известны производные образования, в которых присутствует сема 'сила': *večna jed* 'укрепляющая еда', *odveknoti, odvekniti* 'укрепить', *slabovečen, malovečen* 'слабый' [Bezljaj 1967: 116]. Семантический признак 'сила' обнаруживается и в рус. *увечить*, бел.

нявечиць, укр. *nívechiti*, т. е. 'лишать силы'. В древнерусских текстах также зафиксированы примеры, в которых значение лексемы *вѣкъ* интерпретируется как 'увечье'. Это известный контекст из Русской Правды: *аще ли оутнеть роукоу и втпадеть роука... томуоу за вѣкъ і грѣнъ* и отрывок из Смоленской грамоты 1229 г.: *Аже кого уранать полоутторы гривны серебра. аже боудѣте без вѣка* [СДР II: 294].

Традиционно значение лексемы *вѣкъ* в этих примерах интерпретируется как 'увечье', однако здесь явно сохраняется первоначальное значение 'сила' (речь идет об ее утрате), ср. бел. *убавить веку* 'избить жестоко' [Романов 1885: 623]. Б. Унбегаун пополняет список примеров еще двумя из памятников XVII в.: *да бил на смерть, да и оглушил, досѣл без вѣка; дѣтки постѣли, батка без вѣку досѣли* [Unbegaun 1958: 174]. В результате лексикализации синтагмы *без вѣка* появляется новое образование *безвѣкъ*, которое приводит И. И. Срезневский, оставляя, впрочем, без интерпретации: *безвластенъ безвѣкъ при вѣмъ токмо крѣпокъ на довроѣстїе* [Срезневский I: 52]. Ф. Миклошич приводит два примера из древних текстов, которые также связаны со значением 'сила': *věkъ* в значении '*quercus robur*' [Miklosich 1862–1865]. В этом названии обнаруживается связь с идеей растительной силы. Интересно, что в одном из словенских говоров эта порода дуба обозначается производной от *sila* лексемой *selatnik* [Bezljaj 1967: 116]. Чрезвычайно любопытный материал дает сопоставление с группой индоевропейских обозначений вечности, восходящих к корню **aiu-*. К этому гнезду Вяч. Вс. Иванов относит хетт. *eia*, которое «обозначало вечнозеленое дерево, выступавшее в качестве символа бога плодородия Телепинуса, а также имевшее функцию знака освобождения от повинностей» [Иванов 1964: 40]. Дерево *eia* в религиозном ритуале хеттов являлось воплощением жизненной силы. Аналогичную роль играет дуб в славянской традиции.

Значение 'жизнь' широко представлено в древних славянских памятниках. Особенно показателен пример из «Богословия» Иоанна Дамаскина: *Вѣкъ во речеться и кождо члвкъ житье* [Срезневский I: 484]. Распространенное в христианском мире противопоставление 'земная жизнь' – 'загробная жизнь' реализовалось в кругу

устойчивых словосочетаний, где первый член выражался оборотом *съ*, нынешний *вѣкъ*, второй – *онъ*, *вѣдѣштии*, *градѣштии вѣкъ*. Эти канонические формулы выступали для обозначения сакральных понятий. Во всем славянском ареале в той или иной мере сохранилось значение 'жизнь'. Особенно богат в этом отношении диалектный материал: русск. *векованье*, *вековицик*, *перевековать*, *отвековать* [Даль I: 330], ср. в пословицах: *Вік ізвікувати – не пальцем перекивати*; *Давай вместе век вековать, дни коротать*; *Век жыць – не мех шыць* и др.

Любопытный процесс семантических изменений дает белорусский материал. Здесь произошла поляризация значений 'жизнь' – 'смерть' [Носович 1870]. Энантиосемия представлено и в древних славянских памятниках. В некоторых контекстах формула *до вѣка* могла иметь не только сакральное, но и реальное значение 'до смерти'. Христианские представления, согласно которым смерть есть начало вечной жизни, поддерживают противопоставление жизни и смерти как ожидания вечности. Синтагма *до века* в значении 'до смерти' известна и современным русским диалектам.

С семантическим центром 'жизнь' связано и значение 'возраст'. Развитие семантики шло от значения 'жизнь человека' к формированию понятия продолжительности, поскольку 'срок жизни человека' означает переход в темпоральную сферу. Отсюда и др.-русс. *срѣдовѣтъ* 'человек средних лет', *срѣдовѣтїе* 'средний возраст' [Срезневский III: 482].

В западнославянских языках произошла дальнейшая трансформация значения 'возраст' → 'старость'. Процесс этот вполне закономерен, т. к. понятие «старый связано с представлением о возросшем, дошедшем до известного возраста» [Гавлова 1969: 38]. Значение 'старость' известно и белорусским говорам, ср. *веку не дажыць* [Слоўнік 1979: 294].

Семантический сдвиг в темпоральную область произошел через значение 'возраст': 'жизнь' → 'продолжительность жизни человека' → 'промежуток времени'. Человеческая жизнь с реально обозримыми границами дает возможность перейти к понятию продолжительности.

Слав. *věkъ восходит к и.-е. корню **ueik-* 'проявлять силу' [Pokorny 1959: 1128]. Связь с идеей жизни как особой природной силы подтверждают данные других индоевропейских языков: лит. *viekas* 'сила, жизнь', *vykis* 'жизнь, живость', лтш. *vėiscu, vėikt* 'добиваться, пересиливать, одолевать', др.-исл. *veig* 'сила', гот. *weihan* 'бороться', др.-в.-нем. *wīgan* 'бороться', ирл. *fichim* 'борюсь', лат. *vincō, vincere* 'побеждать' [Фасмер I: 286]. Аналогичный славянскому путь семантических изменений демонстрирует гнездо индоевропейских обозначений вечности, восходящих к корню **aiu-*. Исследования Э. Бенвениста показали, что эта лексическая группа также связана с идеей возрождающейся жизненной силы. История др.-инд. *āyu* и греч. *αἰών* отражает древнейшее понимание вечности, развивающееся «из человеческого и почти физического представления о силе, которая оживляет существо и заставляет его жить» [Benveniste 1937: 111]. Славянская концепция демонстрирует тот же путь формирования понятия вечности. Поразительную общность семантики обнаруживают греческая и славянская лексемы. Семантическое развитие греч. *αἰών* аналогично трансформациям слав. *věkъ практически во всех семантических звеньях [Unbegaun 1958: 175–176]. *Век* как 'период человеческой жизни' выступает как время накопления жизненной силы.

Сходную мотивацию, а также схожие семантические изменения демонстрирует история слав. *pora. Семантическое поле лексемы *pora включает значения 'сила' – 'опора' – 'спор' – 'возраст' – 'поколение' – 'период времени' – 'время года' – 'срок' – 'момент' – 'подходящее время' – 'обстоятельства' – 'мера' – 'счастье' – 'погода'. Исходным было значение 'сила'. В этом значении лексема *пора* встречается в древнерусском: и не насыщан оутробы своеа да не порою телесною и дыханиемъ проженеши сѣдаго дѣха исходящаго на дары (Изб. 1076, 255, 10).

Семантический признак 'сила' сохранился в дериватах: рус. *поринье* 'здоровье, крепость тела', *порить* 'толстеть, здороветь', *поратый* 'бойкий, сильный, дюжий', *порато* 'сильно, очень', *во всю пору* 'изо всех сил', *поратость* 'прыть, сила в беге', производные типа рус. *поправиться*, серб. *опоравити се*, т. е. 'восстановить

силу', сюда же *опора*, *спор* (решался с позиций силы), *напор*, *отпор*, *упор* и др. Для лексемы **pora* значение 'возраст' тесно связано со значением 'сила', т. е. изначально это 'степень проявления силы'. Вероятно, точнее было бы определить эту семему как 'зрелость', поскольку семантический признак 'сила' проявляется здесь в большей степени, ср. рус. *пореть* 'входить в пору, в рост, в дородство; спеть, зреть', *порастый*, *пористый* 'кто или что в самой поре, возрасте, зрелости', *порный*, *порной* 'возмужалый, взрослый, зрелый' [Даль III: 310–311], *в поре* 'в расцвете сил'. С лексемой **pora* связывается и идея счастья, судьбы, везения, ср. *porum* 'везет' [Даль III: 310], *порный*, *порной* 'счастливый' [Майков 1869: № 62]. Исходное значение 'сила' позволяет отнести лексему **pora* к гнезду **perti* [Фасмер III: 328].

В большинстве восточно- и южнославянских языков (старославянская традиция) идея роста, созревания лежит в основе обозначения возраста. Человеческий возраст описывается с помощью растительного кода. Семантический переход 'рост' → 'возраст', 'поколение' → 'время' → 'мир' известен также в германских и балтийских языках [Гавлова 1969: 37–38]. В русском языке *возраст* является заимствованием из старославянского (*възрастъ* < *възрасти*), ср. др.-русск. *възрастъ* [Фасмер I: 334]. Первоначальное значение лексемы очевидно – 'прибавление, увеличение роста'. Др.-рус. *възрастъ* имело значения 'рост', 'возраст', 'зрелый возраст' и 'взрослые люди' [Срезневский I: 368–369]. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. приводит значения 'рост, высота', 'внешний облик', 'возраст', 'определенный возраст, зрелость', 'величина', 'успех' [СДР II: 115–116]. Значения 'зрелость', 'зрелый возраст' особенно показательны, поскольку *возраст* первоначально – 'пора зрелости', ср. рус. *войти в возраст*. Интересно, что в славянской обрядности возраст человека соотносится с его ростом и является символом человека, его двойником [Седакова 1990: 55]. Лексема *возраст* представляет метонимическую модель формирования темпорального значения, где жизненный цикл живого организма концептуализируется как период роста. Зрелый человек представляется как тот, у которого завершен процесс роста.

Подобный перенос представлен у номинаций, восходящих к корню **star-*. При этом один из этапов жизненного цикла соотносится со всем циклом. Формирование абстрактного значения здесь связано с принципом *pars pro toto*, который заключается в том, что целое характеризуется через его часть. Конечно, объективных возрастных границ жизненного цикла не существует, однако с древнейших времен достаточно четко определяется оппозиция *молодость – старость*, поскольку именно она символизирует начало и конец, имеющие сакральное значение. Противопоставление молодости и старости основывалось на той же растительной метафоре роста, возрастания. *Молодой* (прасл. **mold-*) родственно индоевропейским словам с семантическим признаком 'мягкий, нежный' [Фасмер II: 643–644, Machek 1971: 367]; т.е. это обозначение, дающее представление о нежном, мягком, неокрепшем существе. На противоположном полюсе находится *старый* (от **star-* – 'крепкий, сильный' [Фасмер III: 747]; 'выросший, созревший' [Machek 1971: 574], что связано с представлением о «возросшем, зрелом, дошедшем до известного возраста» человеке [Гавлова 1969: 36], ср. также семантическую связь *старый* и *зрелый* [Фасмер II: 106], слав. **zbr-/zor-* < и.-е. **g'er-* 'спеть, стареть', сюда же греч. ἡρώων, нем. уст. *Kerl* 'старый человек' [Pokorny I: 390–391].

Возраст как абстрактное понятие является результатом длительной когнитивной переработки и обобщения знаний о цикле человеческой жизни. Возраст понимается как жизненный цикл от рождения до смерти, состоящий в свою очередь из отдельных периодов. Способ определения возраста по числу лет относится к позднему этапу развития. Исходное значение древнейших обозначений – 'рост, созревание' или 'сила', так как «у примитивов возраст определяется как известный уровень роста или силы» [Гавлова 1969: 36]. Для славянской древности характерна, прежде всего, циклическая временная картина мира. Древний человек наблюдал строго периодические явления: круговое движение солнца, циклические изменения лунного диска, смену дня и ночи, чередование сезонов, начало и конец видимости определенных звезд и созвездий. По аналогии с природными циклами и цикл челове-

ческой жизни складывается из наблюдений за изменениями человеческого организма от рождения до смерти. Течение жизни воспринималось архаическим сознанием не как линейный, а как циклический процесс. Цикл человеческой жизни подобен суточному и годовому циклу. Формирование понятия 'возраст' также подчинено принципу *pars pro toto*, где целое (возраст) характеризуется через его часть (период зрелости, роста, накопления жизненной силы). Это одна из базовых мыслительных операций, которая используется и в процессе номинации. Таким образом, здесь представлена одна и та же когнитивно-семантическая модель формирования абстрактного понятия. Эта модель достаточно часто используется при концептуализации временных циклов, ср. семантическое развитие **dънь* ('день' > 'сутки') и **lěto* ('лето' > 'год'), польск. *księżyc*, демонстрирующее перенос с названия новолуния на весь лунный цикл, **nedělja* ('нерабочий день' > 'недельный цикл'), лексема **тъ(ž)днь*, подчеркивающая значение циклических изменений для формирования понятия 'неделя'.

Метонимический перенос играет важную роль в процессе концептуализации понятия 'возраст'. Темпоральные номинации образуют метонимические цепочки, в которых каждое новое обозначение сохраняет следы предыдущего: 'период роста, накопления жизненной силы' > 'период жизненного цикла' > 'возраст'. Значимость метонимических механизмов еще раз подтверждают способы концептуализации понятии 'возраст' в славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавлова, Е. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // О. Н. Трубачев (отв. ред.). Этимология 1967. М., 1969. С. 36–39.
- Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
- Иванов, Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 40–44.
- Иванов, В. В., Топоров, В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти,

- управления и основных функций) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 87–98.
- Майков, Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.
- Носович, И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Романов, Е. Белорусский сборник. Вып. 1, 2. Киев, 1885.
- Седакова, О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южно-славянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 54–63.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I –. М., 1988–. (СДР)
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1. Мн., 1979. (Слоўнік)
- Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб, 1893–1903.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Benveniste, E. Expression indo-européenne de l' "éternité" // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 38, fasc.1, 1937. P. 103–112.
- Bezljaj, F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
- Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Miklosich, F. Lexikon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Vindobona, 1862–1865.
- Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Unbegaun, B. O. Un parallèle sémantique greco-slave // Sybaris. Festschrift Hans Krahe. Wiesbaden, 1958. P. 173–176.